

«НАМ СДАВАТЬ ЛЕНИНГРАД НЕЛЬЗЯ!»

Блокада Ленинграда
в воспоминаниях выживших

Автор-составитель С. Прозоров

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2020

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р20-921-0772

Н24 «Нам сдавать Ленинград нельзя!»: Блокада Ленинграда в воспоминаниях выживших / авт.-сост. С. Прозоров. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2020. — 136 с.: ил. (Наша Победа).

В этой книге историю блокады рассказывают главным образом ее непосредственные участники — люди, которые вели дневники или оставили воспоминания: кто-то — для себя и своих детей, кто-то — для широкого круга читателей. Каждый из них прошел через все трудности жизни в осажденном городе: бомбежки, артиллерийские обстрелы, голод, холод... И каждый из них, глядя в лицо смерти, трудился во имя Победы. Сотни тысяч ленинградцев и защитников города не дожили до снятия блокады. Многие погребены в неизвестных могилах. Но все они живы и знаемы у Господа, Который *не есть Бог мертвых, но живых*. И дело живущих на земле — помнить и молиться о них.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2020
© Погребняк С. В., текст, 2020

ISBN 978-5-88017-849-0

Была воля Божия на то, чтобы город на Неве не пал, потому что его падение неминуемо повлекло бы за собой падение всей Руси.

*Патриарх Московский
и всея Руси Кирилл*

Все дальше от нас во времени события Великой Отечественной войны, все меньше среди живущих на земле ее участников и очевидцев. Но тем важнее для нас, родившихся уже после войны, сохранить и передать следующим поколениям память о ней, чтобы не канули в Лету тот страшный опыт, который получили наши предки, то знание, которое вынесли они из огненных военных лет: война неизбежно несет боль и горе и требует величайшего напряжения сил всего народа. Те, кто понимают это, не будут преуменьшать значение Великой Победы или, напротив, бездумно и самонадеянно бросаться фразами вроде: «Можем повторить».

Одна из самых страшных и славных страниц военной летописи — блокада Ленинграда. В этой книге историю блокады рассказывают главным образом ее непосредственные участники — люди, которые вели дневники или оставили воспоминания: кто-то — для себя и своих детей, кто-то — для широкого круга читателей. Нечеловеческий ужас и невероятное мужество, отчаяние и вера — все это есть на страницах блокадных записей. Трудно подобрать подходящие слова для описания тех страшных дней. Пусть же о них свидетельствуют документы, дневники и воспоминания очевидцев. Прислушаемся к ним.

«22 ИЮНЯ РОВНО В ЧЕТЫРЕ ЧАСА...»

Митрополит Ленинградский Алексий (Симанский)

18 декабря 1940 года Гитлером была подписана директива № 21, или план «Барбаросса». Согласно этому плану нападение на Советский Союз предполагалось осуществлять тремя группами армий по трем главным направлениям: «Север» — на Ленинград, «Центр» — на Москву и «Юг» — на Киев. Группа армий «Север» должна была захватить Ленинград и Кронштадт, чтобы овладеть большей частью оборонной промышленности и Балтийским флотом. Затем следовало нападение на Москву. Гитлер надеялся на молниеносную войну и в директиве № 32 от 11 июня 1941 года назначил время завершения «победоносного похода на Восток» на конец осени. Однако вскоре стало ясно, что план молниеносной победы провалился.

22 июня 1941 года, в Неделю Всех святых, в земле Русской просиявших, Германия напала на Советский Союз. В Ленинграде и Ленинградской области, как и по всей стране, было объявлено военное положение. И в тот же день Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) обратился к верующим:

«Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батюя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред Родиной и верой и выходили победителями.

Не посраим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере. <...>».

Первосвятительское слово митрополита Сергия поддержало и укрепило людей, многие из которых были растеряны и оглушены известием о начале войны.

В Северной столице 26 июля 1941 года к верующим обратился со словом укрепления митрополит Ленинградский Алексий (Симанский): «Послание митрополита Сергия к пастырям и пасомым Русской Церкви призвало всех верующих в грозный час опасности, нависшей над нашим Отечеством, к единодушной защите — каждого в полную меру сил — великой нашей Родины. От лица Церкви сказано в этом послании, что она, Святая Церковь, “благословляет небесным благословением всенародный подвиг”. И этот голос первого архипастыря Русской Церкви не оказался “гласом вопиющего в пустыне”. Все верующие отозвались на этот призыв. Все в минуту общей опасности объединились без различия положения, как граждане единого великого Союза, в одном стремлении — чем бы то ни было помочь участвовать в общей работе по защите Отечества. Как на подвиг, благословленный Церковью, не только юноши, еще не призванные на военную службу, но и пожилые, и старики пошли добровольцами на фронт с полной готовностью и жизнь свою положить за целость, за честь, за счастье любимой Родины».

Митрополит Алексий свидетельствует о мгновенном отклике верующих на нужды Родины, о готовности пожертвовать «имеющиеся в храмах запасные суммы» в Фонд обороны и приводит замечательный пример частного жертвования:

«Недавно в одном храме Ленинграда был такой случай. Какие-то неведомые богомольцы принесли и сложили у иконы святого Николая пакет в укромном месте, в пакете оказалось около 150 золотых десятирублевых монет дореволюционной чеканки. Они немедленно были снесены в банк, на нужды обороны.

Не говорит ли все это о том, что у всех задето чувство любви к Матери-Родине, что всеми одинаково ощущается та грозная опасность, которую несет с собою фашизм, что у всех напряжены все силы к одной цели — спасти Родину любой ценою».

В послании подчеркивается бесчеловечность действий немецкой армии, обличается лживость и антигуманная сущность фашизма: «На нас, особенно для него ненавистных, не только как славян, но и как носителей искореняемой фашистами культуры и прогресса во всех областях, он нападает с особенной яростью. И все зверства и ужасы он прикрывает лживым и кощунственным лозунгом: “крестовый поход”, не замечая того, что жестоким истреблением всего, что дорого и свято для народов, им уже поработанных, как в области материальной, так и духовной, он давно уже показал миру, что у фашизма нет ничего святого, никаких идеалов, кроме всеобщего обмана и всеобщего поработания».

Ленинградский архипастырь проводит, как и митрополит Сергий, исторические параллели, напоминая верующим о неоднократных безумных — и столь же безуспешных — попытках покорения всего мира и завоевания нашей Родины, а затем заключает:

«Война есть страшное и гибельное дело для того, кто предпринимает ее без нужды, без правды, с жаждою грабительства и поработания; на нем лежит позор и проклятие неба за кровь и за бедствия своих и чужих.

Но война — священное дело для тех, кто предпринимает ее по необходимости, в защиту правды, Отечества. Берущие оружие в таком случае совершают подвиг правды и, приемля раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных своих, за Родину, идут вслед мучеников к нетленному и вечному венцу. Потому-то Церковь и благословляет эти подвиги и все, что творит каждый русский человек для защиты своего Отечества. <...>

Церковь неумолчно зовет к защите Матери-Родины. Она же, исполненная веры в помощь Божию правому делу, молится о полной и окончательной победе над врагом»¹.

Митрополит Алексий убежденно говорит о неотвратимости поражения фашизма и близкой Победе. Тогда, в первые дни войны, люди еще не могли представить себе, каким долгим окажется путь к Победе и сколько людей не доживет до нее...

¹ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: Сборник церковных документов. Б. м., [1943].

ПЕРЕД БЛОКАДОЙ

Осень 1941 г.

Командующий Ленинградским военным округом генерал-лейтенант М. М. Попов 23 июня 1941 года отдал распоряжение о начале работ по созданию дополнительного рубежа обороны на Псковском направлении в районе Луги. Строилось три оборонительных рубежа: один — вдоль реки Луги до Шимска, второй — от Петергофа до Колпино, третий — от Автова до Рыбацкого. К строительству укреплений привлекалось гражданское население города и области: женщины в возрасте от 16 до 45 лет, мужчины в возрасте от 16 до 50 лет. Во всех садах и парках Ленинграда жители рыли траншеи. К 20 августа в городе было оборудовано 336 километров щелей-траншей, рассчитанных на 672 тысячи человек, и 4612 бомбоубежищ на 814 тысяч человек. Дисциплина и порядок в Северной столице в целом оставались прежними.

30 июня началось формирование Ленинградской армии народного ополчения, всего было создано десять дивизий. Специальная добровольческая дивизия комплектовалась из студентов вузов. Формировались партизанские и истребительные отряды. Промышленные предприятия города срочно переводились на военные заказы.

Анна Петровна Остроумова-Лебедева, замечательный художник-график, вспоминала: «После объявления войны и внезапного чувства ужасного несчастья, свалившегося на Родину, у жителей Ленинграда наступили дни сравнительного спокойствия. Жизнь в городе, казалось, как будто шла по прежнему руслу. Люди сновали по улицам, магазины торговали, трамваи ходили. И в то же время другая, более интенсивная жизнь города шла, глубоко скрытая и мало-заметная для жителей Ленинграда»¹. Однако скоро город стал меняться.

«Жизнь моя больше не принадлежит мне. Все Родине, только ей. Но что я могу сделать!.. Спокойно работать,

¹ Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки: в 3 т. М., 2003. Т. 3.

Анна Петровна
Остроумова-Лебедева

работать»¹, — записал в дневнике директор Архива Академии наук СССР Г. А. Князев. На третий день войны Георгий Алексеевич с горечью отметил:

«На службе проверял перемещенный материал. Все наши меры — жалкие паллиативы! Были у меня и представители других архивохранилищ. Везде такое же положение. Никаких предварительных мероприятий по охранению ценностей на случай войны не было сделано. Не ждали войны с Германией. По крайней мере, все те, что около меня, не готовились на случай войны. В Библиотеке хотели разместить ценнейшие материалы в цокольном этаже, но там проходят трубы водяного отопления, и в случае аварии с пожарным водопроводом может быть все затоплено. <...> На службе вел переговоры с представителями специальных архивохранилищ. Решили в ряде случаев не переносить наиболее ценные материалы в сырые и затопляемые подвалы».

С самого начала Г. А. Князев, как и многие ленинградцы, был уверен в Победе над фашистами: «Я ни на минуту не сомневался в конечном разгроме фашистской сволочи, но бешеные собаки кусаются больно. Нам много придется пережить — это ясно. Смотрю на будущее как-то со стороны. Ведь лично для меня больше нет никакого будущего. Но это не значит, что надо сидеть сложа руки и ждать судьбы. Если для меня нет больше будущего, то оно есть у моей великой Родины...»

Гитлер воспринимался как новый Тамерлан, борьба с ним — как священная борьба с захватчиком Отечества. Город продолжал жить и работать.

Вдова русского ученого Ивана Петровича Павлова, Серафима Васильевна Павлова, в связи с военным поло-

¹ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009.

Георгий Алексеевич
Князев

жением решила передать в архив материалы своего мужа. Во время беседы с Г. А. Князевым она призналась:

«Одно могу сказать... мне больно, но да будет воля Твоя. Я религиозна и никогда не откажусь от своей

веры. Когда я беседовала с самим Вячеславом Михайловичем [Молотовым], я и ему тоже сказала:

- Один грех у меня есть против советской власти...
- Какой же? — спросил меня Вячеслав Михайлович.
- Я верующая, — ответила ему я»¹.

Серафима Васильевна попросила Георгия Алексеевича сберечь портрет И. П. Павлова работы М. В. Нестерова (авторская копия с портрета ученого 1930 года; ГРМ). Спустя год Г. А. Князев вновь встретил Серафиму Васильевну на прогулке. На его приветствие она ответила: «Живу... Такова Его воля... Вы ведь знаете, как я религиозна... Я верующая. И я всецело полагаюсь на волю Божью».

Г. А. Князева и сотрудников Архива Академии наук особенно тревожила участь особо ценных рукописей — А. С. Пушкина, М. В. Ломоносова, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др. Организация и координация различных архивных организаций были очень плохо налажены, что крайне беспокоило Князева.

Горожане старались защитить все ценное, что было возможно: памятники обшивали досками и обкладывали мешками с песком, готовили к эвакуации ценнейшие архивные и музейные материалы. Блистающие золотом купола храмов укрывали чехлами или закрашивали краской. «Александровская колонна стоит в лесах, но они пока не достигают верха. Ангел не укрыт и резко чернеет на светлом небе.

¹ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945.

Исаакий, его купола (один большой и четыре маленьких на угловых башнях) выкрашены в темно-серую, защитного цвета краску. Со всех четырех сторон собора выстроены высокие глухие заборы. Они вплотную прилегают к нижним ступеням. Все пространство от нижних ступеней и до самых верхних, до входных дверей, засыпано песком. Памятник Петру Первому упаковывается»¹, — отмечала А. П. Остроумова-Лебедева в дневнике.

Главные беды Ленинграда были еще впереди, но война уже прочно вошла в повседневную жизнь города на Неве. «4 июля 1941 года. Просто не верится, что в этот роскошный солнечный день, в который хочется так радоваться жизни, где-то идут безумные бои, уносящие сотни и тысячи жизней. Не верится, что жизнь кругом нас нарушена, собственно, нет нормальной жизни: есть боевая обстановка, спешная эвакуация ценностей, рытье окопов, закладывание проемов в стенах мешками с песком, устройство бомбоубежищ, газоубежищ... У нас весь двор завален досками, выброшенными с чердаков. Каждый день, каждый час ждем бомбежки с воздуха», — писал Князев.

Более всего удручало отсутствие четкой организации и строгой дисциплины, «неразбериха», по слову академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, в годы блокады работавшего в Пушкинском Доме. «В библиотечном институте, — писал Лихачев, вспоминая свое участие в институтском отряде самообороны, — срочно устроили нары для всех нас, чтобы перевести на казарменное положение. Нам с В. В. Гиппиусом показали даже наши места на нарах. Мы пошли, посмотрели и... ушли. Была полнейшая неразбериха, и было ясно, что оставаться ночевать на нарах бессмысленно. Вскоре и обучение прекратилось: люди уставали, не приходили на занятия и начинали умирать “необученными”. Часть сотрудников ездил под Ленинград строить оборонительные рубежи. Здесь были более осмысленные занятия. <...> Многие научные сотрудники бессмысленно погибли в Кировской добровольческой дивизии, необученной и безоружной»².

¹ Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. Т. 3.

² Лихачев Д. С. Мысли о жизни. Письма о добром. М., 2014.

Дмитрий Сергеевич
Лихачев

Несмотря на тяготы и опасности, город продолжал жить. «Сегодня в Румянцевском сквере за столиками я видел проходящих туда играть в домино рабочих и служащих. Все те же лица, как и три, и пять лет тому назад. Играют, как будто бы ничего не случилось; во время тревоги лезут в траншею. По улицам идут прохожие, шумят трамваи, снуют мальчишки. Бездна мальчи-

шек. Особенно они облепляют сейчас моих любимцев — сфинксов. Забираются на спину, на голову, тыкают палками в глаза, в уши окаменевшего, когда-то гордого повелителя. ...Город живет напряженной деловой жизнью. Никакой нервности, удрученности незаметно. Движение транспорта только резко сократилось. ...Просто не верится, что у нас война: все спокойны, хотя бы внешне. Около сфинксов — целое гулянье взрослых и малых. Тут же, несмотря на вечер, мальчишки купаются. ...Я остаюсь. По своей воле я не уеду из Ленинграда. Многое придется пережить, может быть, умереть... Но так что же! Моя жизнь сама по себе не имеет для государства никакого значения, а только, пожалуй, в сочетании с тем, что мне вверено охранять! А это здесь, в Ленинграде»¹. Князев был одним из многих, кто остался в городе. Уже во время блокады там продолжали работать предприятия и организации.

Части вермахта 5 июля взяли город Остров в Ленинградской области; 9 июля был занят Псков. Лужский оборонительный рубеж был хорошо подготовлен, и гитлеровские части, 12 июля вышедшие к Луге, удалось задержать, в том числе с помощью новейших тяжелых танков, которые были произведены на Кировском заводе. Наступление немецких

¹ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945.

войск было приостановлено на несколько недель. Овладеть Ленинградом быстро не удалось. Это вызвало сильнейшее возмущение Гитлера, который был убежден, что захват Ленинграда исключительно важен, и не только потому, что давал возможность полностью разгромить Балтийский флот и уничтожить войска, оборонявшие город, чтобы не позволить отвести их на другие участки фронта. Другой, не менее веской, причиной было то, что город на Неве, известный как колыбель Октябрьской революции и носящий имя ее вождя, имел особое значение для советского народа, и его потеря, по замыслу фюрера, должна была серьезно деморализовать защитников Советского Союза. После перегруппировки 8 августа германские войска начали новое наступление на Ленинград. Уже 15 августа был взят Новгород, 20 августа — Чудово, а 30 августа фашисты захватили поселок Мга, перерезав последнюю железную дорогу, которая связывала Ленинград со страной.

Г. А. Князев отмечал: «Отвращение к жизни, к культуре, опрокидывающей самое себя, — вот что начинает овладевать мозгом мыслящих людей. Люди не сделались лучше; хуже, жесточе, коварнее, пакостнее стали... Так многие думают сейчас». Находились и такие, кто заявлял, что при немцах им жить будет не хуже. Георгий Алексеевич с сожалением отзывался о качестве агитационно-массовой пропаганды в те дни: «Вообще с иллюстрациями, лубками и пр[очим] очень бедно. Плакаты, которыми снова обезобразили стены домов, окна, двери, заборы, не запоминаются, не волнуют... И не мудро. Нет подъема, настроения, воодушевления. Нет страстного порыва, воли к победе. Конечно, сплошное двухмесячное отступление и страшные неудачи под Ленинградом и на юге не могли не отразиться на психике людей. В витрине отведено место рисункам и карикатурам. На них никто и не смотрит!.. Не до смеха над врагом, когда враг у ворот».

Волнение и напряжение в городе все возрастали. Кто-то всеми правдами и неправдами стремился покинуть Ленинград, кто-то, напротив, принимал решение не эвакуироваться. А. П. Остроумова-Лебедева, как и многие другие, решила остаться в городе, несмотря ни на что. «Твердо хочу

остаться на все страшное впереди. Прощаюсь с близкими людьми», — говорила она.

Согласно сохранившимся документам в первые два месяца войны из Ленинграда было вывезено 164 320 рабочих и служащих, которые эвакуировались вместе со своими предприятиями, и почти 400 тысяч детей; 175 тысяч из них впоследствии вернулись обратно, так как были отправлены в районы, к которым быстро приближались фашисты¹. Эвакуация детей, как пишет в своих воспоминаниях Дмитрий Сергеевич Лихачев, была принудительной и вместе с тем плохо организованной: «Набирали женщин, которые должны были сопровождать детей. Так как выезд из города по личной инициативе был запрещен, то к детским эшелонам пристраивались все, кто хотел бежать... Мы решились детей не отправлять и не разлучаться с ними. Было ясно, что отправка детей совершается в полнейшем беспорядке. И действительно, позднее мы узнали, что множество детей было отправлено под Новгород — навстречу немцам. Рассказывали, как в Любани сопровождавшие “дамы”, похватав своих собственных детей, бежали, покинув детей чужих. Дети бродили голодные, плакали. Маленькие дети не могли назвать своих фамилий, когда их кое-как собрали, и навеки потеряли родителей. Впоследствии, в 1945 г., многие несчастные родители открыто требовали судить эвакуаторов — в их числе и “отцов города”»². Семья Лихачевых была не единственной, которая не хотела отпускать детей...

С 30 августа 1941 года власть в городе сосредоточилась в руках Военного совета Ленинградского фронта, членами которого были руководители ленинградской партийной организации А. А. Жданов и А. А. Кузнецов. Среди членов Совета не было полного единодушия по важному стратегическому вопросу: есть ли необходимость в срочной массовой эвакуации гражданского населения? Первый секретарь обкома партии А. А. Жданов еще до начала осады города настаивал на скорейшей эвакуации большей части жителей Ленинграда и основных промышленных предприятий.

¹ См.: Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. А. Волковского. М.; СПб., 2004.

² Лихачев Д. С. Мысли о жизни. Письма о добром.

А. А. Кузнецов, будучи первым секретарем горкома партии, напротив, заверил И. В. Сталина в том, что руководство города сделает все, чтобы не допустить блокады, и всеобщая эвакуация необязательна. Обещаний своих он не сдержал и тем самым невольно обрек Ленинград на чудовищные муки¹. Зная исторический контекст, можно предположить, что Кузнецов стремился обезопасить себя от возможных обвинений со стороны Верховного Главнокомандующего в пораженческих настроениях. Неспособность властей верно оценить опасность положения и принять соответствующие решения стала еще одним звеном в цепи трагических событий, впоследствии приведших город к настоящей гуманитарной катастрофе. Следует заметить, впрочем, что и Жданов, и Кузнецов во все время блокады оставались в городе.

Планы немецкого командования в отношении Ленинграда были предельно жестоки. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер 8 июля 1941 года записал в своем дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет “народное бедствие”, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще».

К концу сентября поступила секретная директива немецкого военно-морского штаба, где о будущем города прямо говорилось: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта. Предложено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей. Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты,

¹ См.: Евгений Спицын. Ленинградское дело [Электронный ресурс] // https://www.youtube.com/watch?v=j8_Es1KZsi0.

так как проблемы сохранения населения и его пропитания не могут и не должны разрешаться нами. С нашей стороны в этой войне, которая ведется не на жизнь, а на смерть, нет заинтересованности в сохранении хотя бы части населения этого большого города»¹. «Нет заинтересованности в сохранении хотя бы части населения...» Как четко и недвусмысленно отвечают эти слова на вопрос, который порой приходит в голову тем, кто не слишком хорошо знает историю Великой Отечественной войны: а не стоило ли просто сдать город врагу, не было бы это гуманнее по отношению к жителям? Из приведенной выше цитаты видно, что сколько-нибудь гуманное отношение к ленинградцам планами гитлеровцев не предусматривалось в принципе.

Между тем Маннергейм успешно наступал с финскими войсками на севере Ладоги, перерезав Кировскую железную дорогу, Беломорско-Балтийский канал в районе Онежского озера и Волго-Балтийский путь в районе реки Свирь, чем также блокировал маршруты для поставок в Ленинград грузов.

В конце августа к городу подошел Балтийский флот, которому предстояло сыграть огромную роль в его обороне, в том числе в противодействии атакам вражеской авиации и артиллерийским обстрелам.

4 сентября 1941 года начались первые артобстрелы Ленинграда со стороны Тосно, оккупированного немецкими войсками. Большая роль в организации противостояния немецкой артиллерии отводилась командующему Ленинградским фронтом Л. А. Говорову, представителю Ставки Верховного Главнокомандующего Н. Н. Воронову, командующему артиллерией фронта Г. Ф. Одинцову, начальнику артиллерии Балтийского флота И. И. Грену и другим начальникам артиллерии армий, командирам артиллерийских частей и подразделений.

¹ Ковальчук В. М. 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. СПб., 2005.